

«ПОЭМА ПРИХОДА»

В конце 70-х годов вся редакция журнала «Подъём» вдохновенно работала над так называемой «Поэмой прихода». Каждое четверостишие в ней начиналось со слов «приходил» или «приходила». Например:

Приходил к нам Троепольский...

Или:

Приходила поэтесса...

Наибольшим успехом пользовались строки, связанные с тем, что среди авторов, обращавшихся в отдел прозы, многие носили имя Иван (Иван Сидельников, Иван Матюшин и т.д.), а заведующий отделом Евсеенко тоже был Иваном (да еще Ивановичем!):

Приходил на днях Иван,
Приносил нам свой роман.
Посидел он час с Иваном —
И пошел назад с романом!

В устном варианте обычно употреблялись гораздо более крепкие слова. Кстати, автором четверостишия был сам И.И. Евсеенко.

НИЧЬЯ

Автор всемирно известного «Белого Бима» Гавриил Николаевич Троепольский в кругу коллег по перу всегда считался большим любителем шахмат. Почти каждому писателю, умеющему хотя бы переставлять шахматные фигуры, приходилось сидеть с Троепольским за шахматной доской. Но по-

сколько игру есть игра, то Гавриилу Николаевичу случалось нередко и проигрывать. А этого писатель не любил: нервничал, выходил из себя. Зная об этом, многие партнеры старались избегать выигрыша, делая в определенный момент вид, что случайно «зевнули» фигуру. В результате партия заканчивалась вничью, и это устраивало обе стороны.

Как-то Троепольский встретился за шахматной доской с Федором Сергеевичем Волоховым, тогдашним главным редактором «Подъёма». Партия оказалась для Гавриила Николаевича неудачной, а главный редактор не захотел уступать. Поняв, что мат неизбежен, Троепольский с досады смахнул фигуры с доски и, хлопнув дверью, ушел домой. Федор Волохов тоже уходил расстроенным: получается, что он невольно обидел человека.

Глубокой ночью в квартиру Троепольского позвонили:

— Вам срочная телеграмма!

Писатель забеспокоился: что за телеграмма в такой час?

Текст телеграммы гласил: «Согласен на ничью. Волохов.»

В ЖАНРЕ ВЕСЕЛОГО ПРАВА

Евгений Дмитриевич Люфанов, создавший ряд известных исторических романов, был человеком веселого нрава. Помнится, в дни работы одного из очередных писательских съездов он, подходя к гардеробу Большого Кремлевского Дворца, чтобы получить свое порядком поношенное пальто, элегантно подавал номерок и говорил:

— Девушка, подберите, пожалуйста, дубленочку получше.

В те же дни Люфанов одной и той же своей шуткой не раз ставил меня в неудобное положение. В очереди — в магазине ли, в буфете гостиницы «Россия» или у того же гардероба, он вдруг громко говорил мне, стоящему рядом:

— Молодой человек, Вас здесь не стояло!

Очередь начинала гудеть, возмущаться: — Вы за кем стоите?!

И приходилось долго и нервно, вместе с самим Евгением Дмитриевичем, объяснять, что это была только шутка...

Лауреат Государственной премии России Юрий Данилович Гончаров работал в молодости редактором в книжном издательстве. Поручили ему редактировать сборник песен. Выходит сборник из печати, а в тексте популярной тогда песни «Летят перелетные птицы...» напечатано: «Летят переплетные птицы...»

ТОСТ

В 70-х годах в коллективе редакции журнала «Подъём» был в ходу шуточный «подхалимский» тост, придуманный Иваном Евсеенко:

— Пусть больше ни один волос не выпадет с головы главного редактора!

У тогдашнего руководителя журнала волос на голове практически не было.

Когда же этот пост занял я, тост несколько видоизменился:

— Пусть больше ни один волос не поседет на голове главного редактора!

Можете себе представить, как выглядела к тому времени моя голова, если по этому поводу шутили.

ЗАЧЕМ НАМ ТЕГЕРАН!

Сергей Владимирович Михалков известен как большой мастер шуток-экспромтов. Многие писатели помнят, как на открытии одного из писательских собраний Михалков, иногда заметно заикающийся, должен был выступить с докладом. На вопрос председателя следующего: «Сколько времени просит докладчик?» — он не задумываясь ответил: — Д-двадцать минут на д-доклад и д-двадцать минут на з-заикание...

В ноябре 1981 года в Воронеже произошло выездное заседание секретариата правления Союза писателей России. По этому случаю в оперном театре состоялся большой литературный вечер. Вел его Михалков. Выступающих было много, и все — именитые: Юлия Друнина, Петр Проскурин, Николай Старшинов, Лариса Васильева, Егор Исаев...

И хозяевам тоже слово надо было дать — воронежскую литературу на вечере представляли Владимир Гордейчев, Геннадий Лутков, я. Словом, вечер затянулся. Он шел

уже три часа — без перерыва. Зал, конечно, устал, а выступили еще не все.

После очередного выступления Михалков сказал:

— Мы заседаем уже три часа. За это время можно долететь от Воронежа до Тегерана...

Зал облегченно вздохнул: сейчас ведущий объявит об окончании встречи. Михалков же произнес:

— Но поскольку в Тегеране нам делать нечего, то мы продолжим наш вечер...

ПОДПИСЬ ПОД УКАЗОМ

По случаю юбилея журнал «Подъём» был награжден орденом «Знак Почета». Понятное дело, в очередном номере мы публиковали Указ о награждении. Я, тогда ответственный секретарь журнала, поставил текст Указа прямо на обложку. А на первой же странице должно было пойти поздравление коллективу редакции, подписанное секретарями обкомов партии пяти областей Центрального Черноземья. Под Указом стояли, как обычно, подписи:

«Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ».

Прочитал я верстку Указа и поздравления, поправил ошибки и сдал материал в типографию. Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Линотипист отлил новые строчки, исправив ошибки, а верстальщица поставила их в текст. Строчки эти она, разумеется, не читала — да это и нелегко сделать в их зеркальном отображении на металле. Ориентируются при этом обычно лишь на первое слово строки. Короче говоря, уходит номер, а под Указом — подписи:

«Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Курского обкома КПСС

А. ГУДКОВ».

Пришлось работникам типографии сдирать обложку с каждого экземпляра, чтобы поставить секретаря обкома на положенное место.

«ПУСКАЙ ПОДРЕМЛЕТ И ЛАТЫШ...»

Без имени Алексея Прасолова невозможно представить себе современную медитативную лирику. Но я уверен, что он мог бы стать и прекрасным поэтом-юмористом. В этом убеждают меня, к примеру, следующие строки Алексея, посвященные автору книги рассказов «Не шуми ты, рожь...» Федору Волохову:

Слышал я, ты собрался в Ригу?
Ну что же, план такой хорош!
Но захвати с собою книгу
С названием «Не шуми ты, рожь...»
КОГИЗ избавив от нагрузки,
Благое дело совершишь:
Дремал над ней
читатель русский —
Пускай подремлет и латыш!

Помнится, сам Ф.С. Волохов на эту эпиграмму не только не обиделся, — он многократно и с гордостью читал ее, уважительно вспоминая Алексея Прасолова.

А ГДЕ ВТОРОЙ?

Зашли как-то с писателем Виктором Поповым к С.В. Михалкову, в его кабинет председателя правления Союза писателей России. В. Попов протянул ему свой, только что изданный, роман «Один выстрел во время войны». Михалков взглянул на заголовок и тут же спросил:

— А на второй выстрел — что, пороху не хватило?

ПРАВ ЛИ БЕЛИНСКИЙ!

В публиковавшейся в свое время в «Подъёме» повести В. Есенкова «Совесь» работника воронежской цензуры насторожила фраза, которую в этом произведении Белинский говорит Пушкину:

«Умный человек в цензуру служить не пойдет».

Цензор потребовал от меня, работавшего тогда ответственным секретарем журнала, снять эту фразу. Спорить было бесполезно. Цензор подтвердил, что Белинский был прав.

ТУНЯ

В одной из статей, публиковавшихся в «Подъеме», была такая фраза:

«В царской России природные богатства оставались втуне».

Цензор возмутился:

— Что за «туня»? Куда вы там, в редакции, смотрите!?

И собственноручно исправил: «в тундре».

ВСТРЕЧА В ПРАГЕ

В 80-х годах у писателей Воронежа складывались дружественные творческие связи с писателями Южной Моравии. В Воронеж не однажды приезжали чешские коллеги, а писатели-воронежцы двумя группами выезжали в Брно. У нас была так и не осуществленная в связи с политическими передерягами задумка: создать общую книгу, выпустив ее на двух языках. По этому делу побывал в Чехословакии и я, тогда — председатель правления Воронежской писательской организации и составитель не вышедшей книги с русской стороны. Прилетел в Прагу рейсом из Москвы. Среди встречающих увидел мужчину с листком бумаги на груди, на котором была написана моя фамилия. Все ясно — встречает меня. Представляюсь ему:

— Здравствуйте, я — Новичихин.

Вижу, что он смотрит на меня как-то удивленно и... просит показать паспорт. Показываю. Удивленный еще больше, продолжает подозрительно смотреть на меня, но все-таки приглашает в машину.

Привозит меня в Союз писателей Чехословакии. Представляет руководителям Союза и его иностранной комиссии. И здесь тоже подозрительно изучают мой паспорт, при этом тихонько перешептываясь.

Положенные мне «командировочные» в чешских кронах почему-то не выдают.

Наконец приезжает машина из Брно, и меня увозит мой старый знакомый — писатель Людвиг Штепан, бывавший у нас в Воронеже.

В холле брненской гостиницы «Континенталь» меня ждет руководитель местной писательской организации, поэт Иво Одегнал. Очень удивлен, что мне нечем расплатиться за гостиницу:

— Как же так! Ведь я же звонил в Прагу — деньги Вам должны были выдать!

Все разъяснилось на следующий день. Оказалось, что сотрудник Союза, которому поручили меня встретить, спросил у Иво по телефону:

— А как он, этот Новичихин, выглядит?

Одегнал, приезжавший перед этим в Воронеж, но ни разу меня не видевший (я в те дни сам был в отъезде), ответил:

— Кажется, маленький, толстый и, по моему, с усами...

Для тех, кто не знаком со мной, уточню, что я никогда в жизни не отпускал усов, не страдал полнотой, а мой рост — 184 сантиметра.

КТО ВЫСТУПАЛ!

В одной из музыкальных школ Воронежа проводили литературный вечер. На встречу с учащимися пригласили меня и поэта Анатолия Ионкина. За несколько минут до встречи выяснилось, что Ионкин поехать в школу не сможет. Владимир Гордейчев, руководивший тогда писательской организацией, позвонил Е.Д. Люфанову:

— Евгений Дмитриевич, выручайте. Надо вместе с Женей Новичихиным выступить в школе.

Когда мы с Люфановым, опаздывая, вошли в здание школы, нас уже заждались. Сразу повели в актовЫй зал. Молоденькая преподавательница, знавшая меня в лицо, но никогда не видевшая ни Ионкина, ни Люфанова, радостно представила нас:

— Дорогие ребята! Сегодня к нам в гости пришли воронежские поэты Евгений Новичихин (указала на меня) и Анатолий Ионкин (указала на Люфанова).

И Люфанов, и я, растерявшись от такой неожиданности, промолчали.

Видимо, присутствовавшие на встрече ученики музыкальной школы до сих пор считают, что поэт Анатолий Ионкин — веселый старикан с пышными красивыми усами...

БЛОКА НЕТ!

В 1975 году проходило VI Всесоюзное совещание молодых писателей. Среди кандидатов на участие в нем Воронежская писательская организация назвала молодого

поэта Николая Малашича. Однако в Москве кандидатуру Малашича отклонили. Главная причина — плохая служебная характеристика. Ее представляли по военным каналам (Малашич был офицером) и в писательской организации с ней не были знакомы.

Николай заинтересовался: кто и почему дал плохую характеристику? Оказалось, дело было вот в чем. Как-то воинскую часть инспектировал генерал из Москвы — проверял организацию социалистического соревнования. Командир части не преминул похвалиться: у нас, мол, один офицер стихи пишет, даже книжку издал. Генерала это заинтересовало, и Малашича пригласили к инспектору.

— Так это Вы пишете стихи? — спросил он.
— Так точно, товарищ генерал!

— Хорошо, хорошо... Ну а с кем Вы соревнуетесь?

— С Блоком, товарищ генерал! — пошутил Малашич.

— С кем, с кем?

— С Александром Блоком!

— Ну, и какие успехи?

— К сожалению, товарищ генерал, он бьет меня по всем статьям, — продолжал шутить Малашич.

— Это плохо, — сказал генерал.

Малашич был уверен, что генерал правильно понял шутку. Но в тот же день инспектор сурово отчитал командира части за плохую организацию соцсоревнования.

— Ваши офицеры даже не знают, с кем они соревнуются, — возмущался он. — Офицер Малашич утверждает, что он соревнуется с Блоком. Нет такого офицера в части — я сам проверил! Есть Боблов! А Блока — нет!

Ну как после такой генеральской оценки командир мог подписать хорошую характеристику?

ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, КАК НА КРЫШЕ

В молодости служил я в одном областном учреждении. Как-то, накануне октябрьских праздников, приглашает меня секретарь партийного бюро:

— Выйди-ка, — говорит, — на улицу и присмотришь к лозунгу па крыше. А потом вновь зайди ко мне.

Выхожу, читаю: «Пусть живет в веках имя

и дело Ленина!» Лозунг как лозунг. Возвращаюсь к партийному секретарю.

— Прочитал? — спрашивает.

— Прочитал.

— Ну и как?

— Да вроде бы все в порядке.

— Не скажи, — говорит секретарь. —

Тут один пенсионер уже две недели терроризирует и обком, и горком, и райком. А те — меня. Требуют разобраться.

— Да в чем разбираться-то?

— Пенсионер этот утверждает, что в лозунге допущена ошибка. Говорит, что надо писать не в единственном числе — «живет», а во множественном — «живут».

— А что, пожалуй, он прав, — засомневался я.

— Ты так думаешь? — секретарь достал газету «Правда», ткнул пальцем в призывы ЦК КПСС к годовщине Октября. В газете было напечатано: «живет» — точь-в-точь, как на крыше.

— Может, в газете опечатка? — спросил я.

— Вот и этот пенсионер так считает. И требует ошибку исправить, — сказал секретарь. — А если это не опечатка? Если в ЦК КПСС так написали?

Я пожал плечами.

— Слушай, — вдруг попросил он, — этот пенсионер с минуты на минуту ко мне придет. Уже звонил. Я в русском языке не очень силен, а он — бывший учитель. Помогите! Может, вместе его умолаем? Нельзя лозунг переписывать, никак нельзя!

Через несколько минут в кабинет вошел пенсионер. Настроен он был весьма воинственно:

— Так и не хотите грамматическую ошибку исправить?

И тут меня осенило:

— Грамматическую ошибку исправить, конечно, нетрудно, — сказал я. — Но ведь допустим грубую политическую ошибку!

— Это еще почему? — удивился пенсионер.

— Имя и дело Ленина настолько едины, что говорить о них во множественном числе — просто кощунственно, — улыбнулся я.

Пенсионер чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Из-звините, — заикаясь сказал он. — Я б-был не прав. Из-звините.

Больше не выйдя на сцену, не звонил. А партийный секретарь, кому надо, долго тряс мне руку и говорил при каждой встрече:

— Вот что значит писатель!

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВЕЧЕР

О том, что Владимир Кораблинов был не только писателем, но и профессиональным художником-графиком, знают многие читатели. Хорошо известно и то, что поэт Виктор Панкратов собрал такую коллекцию экслибриса, равную которой, кажется, трудно найти. Точно известно, что эта коллекция — одна из крупнейших в мире: более 35 тысяч экслибрисов со всего света! Даже с Антильских островов! Только экслибрисов пушкинской тематики — более тысячи!

Об этом, повторяю, хорошо известно. Но об увлечениях и, так сказать, «вторых талантах» некоторых других воронежских литераторов знают немногие.

Когда я был председателем правления Воронежской писательской организации, всерьез замыслил провести один вечер, записать его на пленку и показать по телевидению. На этом вечере писатели должны были продемонстрировать не литературные, а совсем иные свои способности и хобби. Уверен, вечер был бы просто замечательным. Жаль, что он так и не состоялся.

А если бы состоялся, то в нем, наряду с В. Кораблиновым и В. Панкратовым, непременно бы выступил Геннадий Лутков. Он обладал даром великолепно, с тонким юмором, пародировать коллег. Особенно запомнилось, как блестяще представлял он композитора К.К. Массалитинова.

Тот же В. Панкратов, по моему замыслу, мог бы на этом вечере показывать фокусы с картами. Как-то в ростовской гостинице он продемонстрировал такой фокус, что меня оторопь взяла. Никогда — ни до этого, ни после — не видел ничего подобного.

А Василий Белокрылов очень душевно пел под гитару. Впрочем, не только под гитару. Однажды мы вместе (было это в Туле) ужинали в ресторане. Василий Алексеевич был навеселе (в таких случаях друзья говорили о нем, одноглазом: «Выпьет — и ни в одном глазу!») и полез на сцену, чтобы спеть под оркестр. Сначала оркестранты пытались

удалить его со своей «рабочей площадки». Но Белокрылов зашел, и они, решив, что на сцену поднялся профессионал, стали ему аккомпанировать. В результате весь зал восторженно рукоплескал, а музыканты по окончании работы... поделились с писателем своим вечерним заработком. Оказался у них этот заработок гораздо более высоким, чем обычно.

А Евгений Дмитриевич Люфанов мог бы стать прекрасным артистом-чтецом. Помнится, на одном из писательских «литературных вторников» он полтора часа — наизусть! — читал Ахматову, Цветаеву, Гумилеву, Анненскому, Пастернаку... Сделали перерыв, после которого Евгений Дмитриевич сказал:

— А теперь я прочту вам «Евгения Онегина». Полностью читать или в отрывках?

Мы взмолились:

— В отрывках!

И он читал еще полтора часа. И тоже — наизусть.

ОБЫЧАЙ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Неделя воронежской литературы в Чечено-Ингушетии завершилась, и в один из дней хозяева предоставили нам возможность отдохнуть. Виктор Будаков, начинавший когда-то свою трудовую биографию учителем в кавказском селении Валерик — в пермонтовских местах — намекнул: мол, неплохо бы побывать там. Двое из нашей делегации, в том числе и я, присоединились к этому предложению.

Валерик встречал Будакова как героя. Пришли его бывшие ученики, сами ставшие учителями, и, конечно, местные руководители, тоже у него когда-то учившиеся. А сопровождали нас в этой поездке ответственный работник Чечено-Ингушского обкома КПСС и две женщины — руководители района: секретарь райкома и председатель райисполкома.

После творческой встречи в местной школе нас повезли к речушке Валерик. На ее живописном берегу нас ожидали шашлыки и все такое прочее. Сидим на травке, а я никак не пойму: все здесь, даже водители «Волг», а секретарь райкома с предриком почему-то скромно стоят в сторонке. Своё удивление я высказал вслух.

— Тс-с, — шепнул мне на ухо обкомовский работник, которого представили как зятя знаменитого Махмуда Эсамбаева. — У нас не принято, чтобы женщины сидели за одним столом с мужчинами...

Национальный обычай в этих местах не считался ни с какими партийными иерархиями.

СОМНИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПОНАТ

В начале 1993 года я ушел с поста главного редактора журнала «Подъем», полностью разуверившись в возможности проводить независимую литературную и идеологическую линию, успешно бороться с «экономической цензурой». Новым местом моей службы был областной литературный музей имени И.С. Никитина, куда меня назначили директором. Иван Евсеенко был явно раздосадован, даже оскорблен моим уходом — ведь мы пришли в редакцию практически одновременно, проработав бок о бок два десятка лет. Острый на язык, он съязвил по поводу этого ухода эпиграммой:

Ты был Евгений из Евгениев!
Ну а теперь ты — экспонат.
И на тебя с большим сомнением
Кольцов с Никитиным глядят...

ИДЕЯ, ВИТАВШАЯ В ВОЗДУХЕ

Тот же Иван Евсеенко не раз в шутку просил меня:

— Женя, возьми меня на работу в музей. Буду работать экспонатом. Представляешь: сижу я в музейном зале, а передо мной табличка: «Живой писатель. Руками не трогать!»

Шутки шутками, но каково же было мое удивление, когда я узнал, что эту идею пре-творил в жизнь другой мой знакомый писатель (правда — знакомый заочно) — Эдуард Лимонов. На выставке, посвященной его творчеству (проходила она, кажется, в Политехническом музее), Лимонов сидел в выставочном зале, а перед ним висела табличка:

«С экспонатом не разговаривать!»

Видать, идея Ивана Евсеенко витала в воздухе.

